

Иванов Александр Павлович

**Врубель. Биографический
очерк А.П. Иванова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Павлович И.**
Врубель. Биографический очерк А.П. Иванова / Иванов Александр Павлович –
М.: Книга по Требованию, 2025. – 148 с.

ISBN 978-5-519-86541-8

ISBN 978-5-519-86541-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВРАУБЕЛЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ
ОЧЕРКЪ А.П.ИВАНОВА

ИЗДАНИЕ
НИ·БУТ
КОВСКОЙ

СП·БУРГЪ
ОФИЦЕР
СКАЯ 60

Художественныя воспроизведенія мастерской Н. И. Бутковской.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

**Типографія Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1911.**

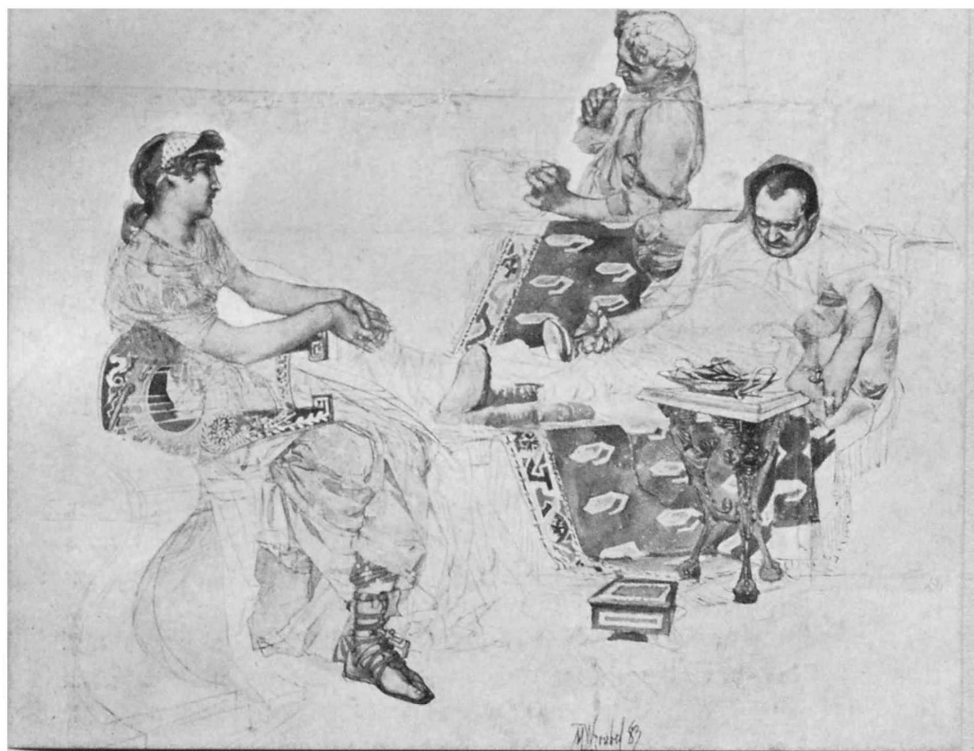
Пророкъ.

Собств. Н. И. Врубель.
Спб.

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'М. Врубель' (M. Vrubel). The script is fluid and cursive, with the first letter 'М' being particularly large and stylized.

Обликъ умершаго хранится въ памяти людей загадочно преображенный тайною смерти,—что отдала его отъ живыхъ и все болѣе и болѣе отдаляетъ по мѣрѣ того, какъ протекають года; его минувшая жизнь превращается въ маленькое семейное сказаніе или —въ народную легенду, если дѣла отошедшаго были великими на землѣ. Но во всемъ необычайна судьба Врубеля: легенда о немъ стала создаваться еще задолго до его кончины, ибо тайна, иная, чѣмъ смерть, но столь же непостижимая, отдала отъ насъ Врубеля, за много лѣтъ до смерти начавъ замыкать его въ свой заклятый и устрашающій кругъ. Мы въ первый разъ услышали имя Врубеля лѣтъ 10 или 12 назадъ, когда впервые на выставкахъ „Міра Искусства“ стали появляться его необы-

чайныя творенія. Въ то время художникъ былъ въ полномъ разцвѣтѣ своихъ силъ, но для близкихъ ему людей порою въ рѣчахъ его и поступкахъ уже обнаруживались признаки наступающаго недуга. Въ 1902 году вслѣдъ за появленіемъ „Поверженнаго Демона“ всѣ узнали, что разсудокъ Врубеля померачился. Тогда, окруженный тайною своего безумія, онъ какъ бы удалился отъ живущихъ за нѣкій недоступный и непостижимый предѣлъ, и съ тѣхъ поръ начала среди насъ зарождаться легенда о Врубелѣ. Дважды потомъ онъ возвращался въ жизнь, снова творилъ, и поистинѣ прекрасенъ былъ прощальный разцвѣтъ его генія; но уже не исчезала черта, отдѣлившая его отъ живыхъ, и онъ казался намъ таинственнымъ и чуждымъ пришельцомъ изъ иного міра. За 4 года до смерти онъ удалился въ этотъ невѣдомый міръ навсегда и жилъ въ немъ среди смутныхъ творческихъ сновъ, постепенно разрушаемыхъ неумолимой болѣзью, среди страданій, о глубинѣ которыхъ мы можемъ только догадываться. Лишившійся зрѣнія и разсудка, слѣпецъ вдвойнѣ, онъ не видалъ, какъ разростается о немъ сказаніе въ покинутомъ имъ мірѣ. Теперь, когда Врубель умеръ, должны сложиться завершительныя черты этого сказанія, ибо лишь гибелью героя вѣнчается трагедія и просвѣтляется его образъ. Мелкія и уродливыя черты, неизбѣжныя въ каждомъ человеческомъ существѣ, вмѣстѣ съ унижительными под-

Римляне.

Музей Академіи Художествъ.
Спб.

робностями его страшной болѣзни исчезнуть въ волшебномъ зеркалѣ народной молвы;—торжественно углубленнымъ сохранится въ немъ образъ Врубеля. Трагически прекрасной будетъ эта легенда о великомъ художникѣ, ослѣпленномъ судьбою за то, что слишкомъ пристально вглядывался въ символы видимой природы, о геніи, низвергнувшемся въ темныя пропасти человѣческой души, надъ которыми отважный и пытливый онъ странствовалъ всю жизнь.

Кто изъ насъ не помнитъ смутнаго, но глубокаго впечатлѣнія, волновавшаго при первыхъ встрѣчахъ съ его искусствомъ? Въ 1898 году мы увидѣли панно „Утро“ и скульптурную голову „Демона“; потомъ слѣдовали: „Судъ Париса“, изразцовый каминъ, „Сирень“, „Кони“, „Царевна-Лебедь“ и наконецъ роковой для своего создателя „Демонъ“. То было время, когда Врубель, уже приближавшійся къ концу своего творческаго пути и дотолѣ извѣстный лишь друзьямъ и нѣсколькимъ меценатамъ, только что начиналъ добиваться признанія въ болѣе широкомъ кругу современниковъ. Но и здѣсь „благодать сочувствія“ онъ нашелъ не сразу. Даже „Міръ Искусства“, первый кто осмѣлился открыто признать Врубеля, не рѣшался, порою, смущаясь передъ необычайною дерзостью его исканій, выставлать его картины. Мы же, для кого эти выставки навсегда связаны съ первыми радостями живого по-

ниманія искусства, долгое время при встрѣчѣ съ холстами Врубеля чувствовали лишь недоумѣніе, почти испугъ: слишкомъ непохожи были они на все видѣнное дотолѣ, слишкомъ новымъ казался Врубель даже среди новыхъ. Была непонятной безмѣрная сложность и кажущаяся запутанность его композицій; структура его картинъ представлялась хаотическимъ скопленіемъ безчисленныхъ причудливыхъ формъ, которыя здѣсь и тамъ какъ бы случайно слагались въ подобія человѣческихъ тѣлъ и лицъ, животныхъ и растений. Смущали невиданныя краски его загадочныхъ пейзажей; отталкивали странно изогнутыя позы человѣческихъ фигуръ, угловатыя и вычурныя ихъ жесты; чрезмѣрно расширенныя глаза. Но постепенно мы научились проникаться глубокою выразительностью его пластическихъ пріемовъ, и исчезала для глаза первоначальная запутанность композицій, превращаясь въ сложную, но четкую гармоничность структуры; звученъ становился языкъ дотолѣ непривычныхъ красокъ; внятной и волнующей—символика прежде отталкивавшихъ жестовъ и взоровъ. Тогда сложилось наше первое впечатлѣніе отъ Врубеля, туманное, но непосредственное и таившее въ себѣ ключъ къ сознательному пониманію его творчества. Въ Третьяковской галлерей хранится пять большихъ его произведеній той поры, среди нихъ—„Демонъ“ и „Кони“. Вглядимся въ нихъ, и теперь отчетливо раскроются передъ